

ПАНТЕЛЕЙ ЕВРИН

ВОРЯП ХУМЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР • ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1940

ПАНТЕЛЕЙ-ЕВРИН

ДВА ОХОТНИКА

Редактор маньсийского текста
(кондинский диалект) А. И. Емельянов

I

Сентябрь ёнгхуп мылах емтум порат туйт
пятыс. Тит туйтныл ворыяп, хул кисп хумыт
рохтысыт. Касынг хум номсыс: туйт алпыл
пятыс, молях ёл-толый. Туйт толнэ ийпалт сав
вить емти. Тоныл вор ялнэ мос, хул киснэ мос
люль емти.

Тов элмхоласыт номсасыт, туйт ийпалт ря-
кых пымти: сэмыл тулт йивт нумпалт ляксыт:

3*

8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР . ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД . 1940

Тан номсаманыл хольт ат емтыс. Сэмыл тосум тулт, актон ых тольхныл, ласял эл-нёрамласыт. Тан ийполянт торум келияс.

Тоныл ёмас хоталыт емтсыт. Тамле хоталыт сав сав тал ат олуйлалсыт. Ворьяп хумит, хул кисп хумит сьвтсыт. Касынг элмхолс мавылт исум сьвт олыс. Касынг хум асинтахтыс, тав хул киснэ мыт, воръялнэ мыт тарвай асьсилтях ат пымтый, сав хонтий.

Октябрь ёнгхуп сис тавт олыс. Ак ньыр, ак йив тов ат нёвыс. Торум атыр, посын; тов порат туйтын сэмыл тулт тавлалсыт, молях эла-миныглалсыт, тувыл хот-холыглалсыт.

Холтовыр, алпыл, исум хотал ниелнэ эли-палт, павыл нуми-палт сёркымыт, ятрыт (поль-тыт) тыйлыталсыт. Товхарыт тан халанныл павыл ватит ёл-олмиялсыт, кялт похат туньсим йивтын исъялалсыт. Висьхарт, тананыл коаси-лим, пискыныт ньырымталсыт, ляксалсаныл, тувыл алиглалсаныл.

Ак тамле ёмас хоталт кит хумый ворн мы-нысэй. Ак маньсь хум, тав Тырпимий лаввес, тавнан хотпын тал олыс. Тав кит висьхар инь-сис. Пувят, висьнэвят колхоз варум пораныл тот асьсилта. Тав тьяк колхозн нинат тувый,

тав ат ханьсистэ, оатым нукоарых колхозн ту-вый, хос тит мос пувят, висьнэвят, тов порат колхозт олых ньырнэ матумэжят и мот хумыт тавнан сав латтыйлалсыт. Тырпим танан пярй латтыйлыс: тав мятымый емтыс, асьсялтаномлят атим, ань тав акытяк морсь олуй, тоныл и сю-кырлян пора ёхти.

Семьятэ, колхозникыт лыхылт тарвай ат хультсыт. Пувят лыхыл латтум порат Тырпим хонтлалыс. Тит лыхыт тавнан элаль олнэ сунстасыт. Тав вытихал колхозный собраньятн ялантас. Тот тавнан акв тамле лёнгх мянтыл мыннэ мос латтыйлалсыт. Колхозникыт акъёт юртынгысь асьсилтат. Тиин тав колхозн тувых хартвес. Колхоз тавян ань нётых пымтыс; пу-мыл, йивыл ыльялавес, вор ялнэ кялятн вись-нылыл, торыл, холыл тотыйлалвес.

Тиил тав номсахтых пымтыс. Ань тав кол-хозный олупсан, единоличный олупсан сун-сым, тый-тов номсыс.

Тав сав люль вырыт иньсис. Тит вырыт тавнан колхозн тувых кяръялалсыт. Тав торумн, няйтн морыс. Вытихал русит нупыл осьялыс, тав номсыс, маньсит Тарвитингыг олнэн мос русит виноватый олсыт. Хон олме порат Тыр-

пим тавэ рэтэтолим русь выта хумыт ёт сирый-тахтыс. Русит маньсь пывылн колых ат тара-талсанэ. Тав латтыйлолыс: русит — маньсь элм-холасытм рэтэтоल्याныл.

Тырпим ёт русь хум — Васьлей ворн мыныс. Тит Васьлей висьхарый олмят порат нуса тётятныл, сюкятныл пярий хультыс, тоныл нуса акят палт нук-яныймыс. Тит акекят нуса элм-холасыт пояныл хот-посых вовнэ мос, тормыт товтын товнэн мос сав пор тюрмат вынлыс. Васьлей олме павылят колхоз варум порат колхозн тувыс, нила тал тот асьсилтас. Элол экят ёл-сюкырлыс, тувыл тав маньсь висьнэ экий вис, Русь павылныл, хося маныл, маньсь павылн олых ёхтыс; элолэй ворн мыныс. Тав Тырпимме люлий ханьсистэ.

Тэн ак янитый, лыхыл латтим ёмсэй, ак хойтыл пись похый пятыйлям ялсэй. Тэн акят намтылисьсэй: Тырпим-Сорп, Васьлей-Выяньсих.

Элолт тэн вор лёнгх мянтыл ёмсэй, тоныл кян-ёхсэй, тавттэмн, хот сусыт олийлолат. Тэн йипс тяхлын вор тара мынысэй. Тит вор кивырт торум сярэ келий. Тырпим элт ёмыс, Васьлей — тав ийполэт. Тов порат тэн ёл-туньсьполсэй, элаль ампэн суй хонтлалсэй. Ампэн

суйт ат суйтсыт. Морсь туньсим, тэн ус элаль ёмасалсэй.

Тох тэн хотал пьалт ёмсэй. Ампэн ат устын, хотал вых, тэн ат ханьсистэн. Туйт атим олс, ампыт лёнхэн ат хосьхтат.

Аквмат порат Тырпим ёл-туньсьпыс. Васьлейм урстэ, латтыс:

— Нэй, соттал хум осын. Нэй мосын менк атиняр ат хонтыйме.

— Хумыль ам мосым?

— Сот ат иньсян. Ак сурвый усмен, тонпыл хот тыйламлас, ёл-алномлямын атим олс. Нысын менк вор ялп хумый? Сем менкамен тыхтых, ёл-хылах арий кинэ емти, тоньсьт тарвай нянь тэх ат пымтыйме.

Васьлей осьтыс, пярий атиняр ат латтыс: тав ат ханьсистэ, Тырпим мяинти. Васьлей морсь туньсис, китыйлыс:

— Нэй номсан, тан хотта хортат?

— Тарвай хайтыйтях ат пымтат, — Тырпим пярий латтыс, тоныл элаль ёмасыс.

Юртехумый ласял ёмсэй. Тэн лыхыл суен ост морсий емтыйлыс.

Тырпим элт ёмыс, Васьлей — ийволт.

Тав, ёл-хультых пымтыс, ортыс. Тырпимн

атиняр ат латтыс. Хун Васьлей луп тармын туньсьпоалыс, тав мянтылэ мынх ньырс, тав пиль похый, аман сиспярый пятыйлыс. Ёмх тавнан тарвитиный емтыс. Тав номтэтыл хорхатас, тэн тарвай ёма, атиняр ат хонта.

Тырпим тов порат ёл-туньсьпоалыс, Васьлей нупыл ёнгхим, тавэ выхнитастэ. Васьлей ус арий осьялас.

Ить поалый пятис. Ласял лякум хотал хосян эла-минас тот, хот атыр торум яный воривыт ёт акян хансыт, тав олхот холыйлыс. Тоныл торумт совыт сав сир посыл пеламласыт.

Йипсый емтыс. Элаль мынноамыл атим. Ёнгхуп ныйлыс, тав посэ яный йивыт тованэ тара ат таратияныл. Тяхла, руп хумый элаль ат таратияныл. Оссия нёрсит, хыльйив ньырыт, катныл эл-оймятум, сёръыйтал тэн нёлсамэн вохсаныл. Элаль мынноамыл атим олс. Тырпим ёл ат олмиялыс; тав лыня мынэ ёхттахтыхномсыс. Васьлей сака ортыс. Элаль мынноамлят атим. Тырпим ёмнэ суил ёмыс.

Тырпим, юиовылт, касиластэ: юртэ сака ортыс. Ёл-олмыях номсим, тосам йив кинсых пымтыс. Ховт хонтыс, ёл-олмыяс. Васьлей тав похытэн ёхтме порат, тав китапастэ:

— Хуйх олмыйме?

— Ам номсам.

— Ортысын?

— Ортысум ат ортысум, йипс тормут ёмх тарвитин. Атиняр ат келий, ньырт польсыт, нюврый, вованэй йимтсыт. Нёлсам алий хоят ке, акын сам вить ныйлапый, асолум рысх пятан. Сопыр алий салахатат, ак сятпыл палий мяныйтияныл. Тяхла, руп, йипс, ёмых сака тарвитин... Чёртнэ пыл ат хасьве, хумыль оатум ворялый?

— Сой, вор ялх кинэ оатим. Тит, номсан тэпкян мянтыл ялых.

— Тэпкян актох тарвай ат мыктый, — Васьлей латтыс.

— Ам ханьсийнум. Тэпкян йин. Холтовыр нук-квалан, ёл-хартыйнын, тэн, аен, тоныл капрын тармын хуяпан. Ворт мотын. Ялан, ялан, амп хольт ёл-ортан, капрын атим, капрын местан пилилахтуп ховт товыт... Те, ныпын хотлэвтэн! Товт воарыйме, тит хуййме!

Тэн сэмыл вор тяхла кивырт хуйх олмыясэй. Тосум ховт ёл-савырсаэй, товт воарсаэй, сяй айсаэй, хуйнэ мы кярстысаэй, ёл-хуясаэй.

Хотылэн тарвай мылыс. Тэн атиняр ат ал-

сэй. Васьлей ампэн мос номысыс, тан тав сайтэтныл эл ат ялсыт.

Тав номсыс: „Ампыт юв мынысыт ке, мен похамен ат ёхтат. Морсь хуим ийпалт, Васьлей Тырпим нупыл ёнгхыс, китыйлыс:

— Ампыт хумыль хося атимыт?

— Ам ат хасьям. Хосян вуйтахтыст, тонт атимыт, акмясьт ёхтат.

— Тан хумыль менгкамын хонтъяныл?

— Хумыль? Кинсых пымтъяныл, хонтъяныл. Ат хонтъяныл ке, юв хайтат.

— Менгк нысняр воарых пымтыйме?

— Кялн мыныйме, тот хуих пымтыйме, нянь тэх.

Васьлейн Тырпим лынхыт номтый ат пятсыт, тав номсыс: „Тырпим вораянэ мос кялт хуйх йис“.

Васьлей морсь суйтал хуяс, сыплувят выхрыстэ, тоныл Тырпимн латтыс:

— Ань целевой снабжения!

— Ас товыл! Так целевое снабжение. Амнан ась атим.

— Менгк нянь тарвай тэх пымтыймен? Юв тыйнямен, тоныл ныснэр тэх?

— Хул, нёвыль!

— Нёвыль? Тавэ кинсых коарх.

— Хонтыйме!

— Менгк няньтал, ампыттал нысняр хонтыйме. Кинс атим, охся ат емти. Охсятал нянь ат ёвтых, тарвай ат мыйт... Атиняр ат хонтан ке, туспянгкян нормяни пынэн.

— Тонгк хуйт, морсь воньсяхтат.

— Тан воньсяхтых пымтат, тит мос кяхрын юв-хартаве.

— Нэй нысняр туспянгкян ыхсырталъен,— Тырпим симынсь латтыс,— ам мяинтям латтам, нэй выхнитахтан...

— Нангк пымтсын...

— Товлий,— елпилай ёл-хуим, Тырпим латтыс,— хуйх коарх. Хольт квалыймен, Тимка утмыльтн мыныйме, тот сустр олуйлоалат.

— Ампыт атимыт! Тантоальян менгк актон лойлуйтал хультсамен. Ялын, выл ялын,— тарвай.

— Ампыттал мыныйме. Нэй ампыт местэн емтан, ам пискын выюм. Нэй хортых пымтан, ам алисьлах.

Васьлей осьтыс, нук-алымхатыс, Тырпим нупыл сунсыс, симыньсь латтыс:

— Нэй туспянгкян ыхсырталъен, арий атиняр!

— Ат, ат.

— Хумыль ат? Ам сой латтам, нэй хуян, мяиньтян.

— Ам нялмын тал вор ялам. Амкыт ханьсийнум, нысняр хумль воарх коарых. Нэй атиняр ат ханьсян, асолын. Хуин! Нэй хуйнын мянтыл ампыт ёхтат.

— Товыл тан менгкамен хонтъяныл?

Тырпим, мяинтям, Васьлей нупыл сунсыс, латтыс:

— Ас нэй хумыль номсан?

Васьлей пярй латтыс:

— Нэй нялмын тал воръялан, ам элолэй вор кивырт нытъив похат хуям. Ам номсам, тан менгкамен ат хонтъяныл.

— Нэй номсан, тан хайтийтат, кисьяныл... Хуйх коарх. Хуйх пымтыйме!

Тырпим товт нупыл сисый ёнгхыс, суйтал пятыс.

Икятильн вытимлыс. Ити сир харыйлыс. Совт сурнил постыйласыт. Тан халант яный ёнгхып

ласял лякыс. Йивтныл исхорыт хумыйн пятыйлысыт.

Тырпим хуяс. Васьлей ус хося улымтал ёнгхыс. Тав ампэн мос номсыс. Тит мос тох хося ёл-ойномлят атим олс. Тувыл, юиовылт, оялмятвес. Тав ат холыстэ, хун ампэн ёхтсыт.

II

Постых пымтыс.

Яный посын ёнгхуп яный вор йивт кивырт хот-холыйлыс. Тырпим нук-коалыс, сяй пайтыс, пискынят лисытыс, ампэн тыхт-

сэн. Васьлей нук-кисьтал хуяс. Тырпим ханьсистэ: Васьлей сака ортыс. Тит-мос тавэ ат кинсилтастэ. Хун, ийовылт, посынэй емтыс. Тырпим тавэ нук-кинсилтастэ.

Васьлей нук-мясхатыс, ловтхатыс, тоныл Тырпим похан сяй айых вынтыс. Васьлей керяный оанят сяйл амартастэ, латтых сотахтыс:

— Нысыняр элмхоласн ат улмияхтый!

— Нысыняр нэинян улмияхтыс?

— Сох сям-хуйсям. Ак улмым ханьсийнум, пилсьман улум.

— Нысн тамле улум?

— Нэй ийпалынт ам хося ат ойвесум. Тоныл оялмятвесум, улмиям: воранк лув пув-сум. Ёмас лув! Йинт хойтыл ивол лайла таль-хыт ёнгхый. Эла-мяныйтахти. Элолт урснум. Хун тав анум выйтоалых пымтастэ, ам эл-таратаснум.

— Тав хоталь мынас?

— Эл-таратамум ийпалт, тав анум тьяк ёлпоалятн кянсыстэ, лайлатыл нёкых ноктыстэ. Ам хот-рохтасум, эл-хайтномлум атим, тоныл ам ос хуих номылмятсум, нысняр воарх ньырый, тон воаре.

— Лувын хоталь хайтыс?

— Ат-ханьсийнум, актон олхыннярн ёл-пув-вес.

— Нэй атиняртал хультсын?

— Амнан атиняр ат коарых, ам лилин хультсум.

— Аин-аин, мыных коарх!

— Ампыт товыл ёхтсыт?

— Хот-рохтум пятынт ампэн ат выен? Сох ёхтсыт. Таин пыл, мыныйме.

Тэм посмян ийпалт, тэн исым мыэнныл нук-квалсэй, эла-мынысэй. Тэн ласял ёмсэй, кялян мос 6—7 оял хультыс. Яный тяхлан вор кивырныл тэн тара товтэмн ёхтсэй. Тит яный хыльт, хыпйивыт, ховтыт тит тот тусьсыт.

Хосян келыс. Тамле мат сусыт эра олылоа-лат. Тырпим титм ханьсистэ. Тав асинтахтыс, ампэн аньтэ хорымтат. Тав ёл-туньсьпыс, Вась-лей нупыл ёнгхыс, ласял латтыс:

— Хунтлын, аньтэ хорымтат.

Сой, ампыт хорымтасыт. Тырпим амп суй нупыл ангкытыс, нёлсямытэт мяиньть келапыс.

— Сус калтсыт, холыйнын?

Ампыт суй ус кит, хурым пор суйтсыт, тоныл ёл-поссыт. Васьлей кентят эл-мянымтастэ, актов хунтлях пымтыс. Тырпимн олсыняр латтых ньырс, сьвтум пяьет оатиняр латтуй-номлят атим олс. Тав питьмат мяиньть ныйла-пас, лайла тырымтасэй, ак мыт тусьномлят атим олс.

Юртхумытэныл лыхыл уртал, тав пискы-нят войнятныл ньырымтастэ, кат кивырн тянир-тастэ.

Туньсин хылит халт мавнын хайтытапыт ныйлапасыт. Тан хумый нупыл хайтсыт. Элт туньсин сус хайтыс, тав сорп олыс. Палый тохлуптахтум яный ыньтя хыльт халт ныил-ласье. Вовын хося лайла туньсиньсь нук-алмый-лалсэн: хосян элаль вахтанталсэн, товлын уй холът тав хайтыс. Сусхатас, тав атьсын вовын ёл ат урве. Яный ыньтятыл, вовын мавлэттыл тав орсйив ост хыльпувт мыкяни хутылталсэн, соиллалсэн.

Тав ийполят сюк тумыль пувэ ёт хайтсэй. Тумыльпув, пянгкят эл-няритэм, пяля пярйи пыным, оссья, унка лайлатыл хайтим, сюкят-ныл ёл ат хультыйлыс.

Кит пал мянтыл ампыт сумсыт. Тан элт

хайтум сусмы артылалсаныл, ёл тусьтых ньыр-саныл. Тан, актон хасьсяныл, сусыт хумый похан тотсаныл.

Суст вытий, ост вытий вытимлалсыт. Пис-кыныл патымтан пяльтн нинат ёхтат. Тырпим Васьлей нупыл ангкатыс, касялыс, тав тяхтха-тум туньси. Тырпим тав нупылэ равылахтыс, симынысь хырситас:

— Ёл-хуйин! Тит вонгхан! Пянгкын нук-выл алмен! Суйтал хуин!

Васьлей юртхумытэн хунтлыс: пискынят тьяк ёл поалят пыним, ёл-хуяс. Тырпим яный хыль сисн туйтхатас. Тав ат вастэ, хумыль юртэт хуйи. Тав номсыс: „Элт хайтуп сусмы Васьлейн таратыйнум, так алэт, амкыт иволт хайтнэ сюкме ёл-пататыйнум“.

Суст хумый похан вытимласыт. Тырпим тоасьнэ олыс, Васьлей лилтал хуяс. Тырпим пискын нокят нук-тусьтыстэ, сюкн тяхтпахтыс, сорпмы тара-таратям, Васьлейн оилтас:

— Алэн!

— Аньтэ! — Васьлей пярйи оилтас. Тав виньсьт касилахтыс, пискынят тьяк ёлпоалят хуйи. Тав кос пискынят алий салахатыс, ань ёл-хультыс. Хун пянгкят нук-алмыястэ, касилас:

сус тав нуплэт тотыхатий. Хот рохтум пяъет, Васьлей нук-лякылтыс, оилтыс:

— Нэй хоталь хайтан!

Сус Васьлеймы касиластэ, мот палн тэктис. Васьлей ус арий рохтыс. Рохтум пяъет, санс-

пянгк ёлпоаля ёл-хутымтахсэй, Васьлей пись-похый пятыс. Тит порат Тырпим ус патытях оастыс, сус Васьлей похан пятыс.

Васьлей нёвтал хуяс. Тырпим тав похытэн ёмыс, тав нуплэ сунсыс, китыйластэ:

— Лилын олан?

— Лилын, — сяра суйтым, Васьлей пярй латтыс.

— Сусн няхвысын?

— Лайлум...

— Эрн, супый саимтавес?

— Ат ханьсийнум.

— Нук-коалын!

Васьлей сайрынэй лотпыс. Тырпим нупыл ангкытям, нук-аламухатыс. Тав осын, келпын

нёлсамытят ань ак келп ломт атим олс. Тыр-пим тав нуплэт ангкыталыс, латтыс:

— Хумыль ат патытаснын?

— Ат оастысум.

— Сусныл хот-рохтсын! Ас выяньсих коа-силакын?

— Ат ханьсийным, ат усинтоалснум... Ал-сын?

— Китэй. Ань ньывылахтых пымтыймен.

Ворыяп хумый сусый похан мынысэй. Тыр-
пим элт, Васyleй ийвол. Сус похан ёхтим,
Тырпим латтыс:

— Пискынын, кентын сус тармын пынэн,
нангк ам воинпясим туньспын.

Васyleй юртэт лавум хольт воарыс. Тонт
Тырпим Васyleй нупыл ёнгхыс:

— Хотал нупыл торым хосьин!

Тит лынгхыт латтум ийпалт тьяк перна
пувтых сотахтыс.

Васyleй мувылалыс:

— Хус тал торум ат хосьям.

— Хумыль ат хосьян? Хосьин! Ат пымтан
ке, торумн вор выйхулыл ат мывын, хосьин!

— Там, хосьях ам ат пымтам. Нэй, Тырпим,
актох выл хосьин!

— Хумыль? Ам кян-тэлмым уйыл хосьям,
ань нэй арум ат хосьях аркалийнын. Тох нэй,
эрын, нянь тэх арум ат элтыйнын. Хосьин!
Хаськум монт, нэй ётлын ворн ат мыннам.
Нэй ань ворт олан, хоталн, торумн хосьин!

Васyleй Тырпимн латтыс:

— Хоталн, торумн, аман сэрынкян хосьин—
касынг мат аквэйп, торум атим. Торум олкят,
тав нэй кялын кивырн ёхтний, латтыный:

„Тырпим, ам нэинан тэх тотсум: выл асилтын!“
Пупыт торум номылматсыт. Нэй выл осьялын,
амнан морын, хонтлын, ам нэинан сой латтам.
Ам акток морсум, хосыйсум, тоныл ёл-поссум,
Та порат амнан атхуйплув тал олыс... Ман
пум воарсов: савырсов, осыйсов, россов, ман-
монгк сьвтсов, эсыйхатсов: сака ёмас пум воа-
ров, сыл порый емти. Роттнэ сёхыл ёхтапыс,
рякых ноктыс, ман торым хосыйсов, ёласаснув,
тав выл ряке. Тиил атиняр ат емтыс. Ак хотал
рякий, китыт, хурмыт хотал, сат рякий, ман
пуманув весь сайсыт. Ман пуп палт мынасов.
Тав хосьис, эръис, лыпыртыс, ойт мянтыл
ялыс. Тоныл тит мос тэнахарыл, момыл, воил,
нёвлил вис, юв-мынас. Тит ийпалт ус пус сат
рякыс. Та порат ам арум мяиньтис: „Хосьин,
хосьин, торумн нётвен, урхатэн...“ Тон ийпалт
ам перна пыл ат пудыйлалсум, торум мос ат
номсалсум!.. Кентын вэян, пянгкынн пынэн,
ныывылахтых пымтыйме!

Тырпим хося суйтал туньсис, тоныл, Васyleй
сунсум, латтыс:

— Тамле лыхылт ам, Васyleй, сав пор
холыйлалсум. Ам ведь нялмын тал вор ялам,
вор вый-кул алсьлам. Перна путтал ак выйхул

алий ат пуктоалсум... Торум та тав кос торум, амнан, сой атинярыл ат нётыс. Ам пувым ак ток ат тал ат хосьий... Ам амкыт хот-ёрвылахтых пымтсум. Пясын пыйпалн вынтим, ам тов порат перна путых хот-ёрвылахтам... Ате, ньывалахтых пымтыйме.

Васьлей кясият сипыльным кян-вистэ, латтыс:

— Выттарий ат тал ам посын торумт олсум тамле сорп ат усинтоалсум.

Тит лых холум, Тырпим весь келпят нёлсаматян ныйлапас, тав келпый хосрыс, саврып мянымтас, Васьлей нупыл порвылас.

— Нысныр? Ам нэйнан сорп сунстам! Нэй воарыях исын, ат мяиньтях!

Хот рохтум пяъет, Васьлей тьял китэй сювн эл-порвылыс, тоныл тав латтыс, тав хот-ёрвыластэ, Тырпим „сорпый“ намталаве. Тавэ пярый латтум, Васьлей пярый ёмыс.

— Ус ак пор холыйнум ке, пянгкын эл-саврыйнум, — Тырпим латтыс.

Ёл-сёпылтахтым ийпалт, юртехумый нёвлен ак мынэ атьсьлах пымтыстэн. Пайтан нёвыль висэй. Тоныл хуих вор кялн ёмасасэй.

Тох тэн китит хоталэн мылыс. Ити поалий пятыс. Тэн кялн ёхттахтсэй, йив савырсэй, сья

пайтысэй, сья аим ийпалт, тэн нёвыль пайтях латтыхатсэй, асьсилтэн халанэнт палый выртыстэн: Тырпим нёвыль саврых пымтыс, Васьлей витн мынас, тоныл йив тотыс. Тырпим тавен ыв сисныл пут йив тотых лавыстэ. Ювле ёхтум, йив овлэт ротнэ нёвыль пут катыл туньсим Тырпим алий пилис. Тырпим рохтыс, путят коатныл кылькялн листэ, тьяк молъя порвылас, саврып алий салахатыс, Васьлей ийпалт лайхатас. Васьлей тит рон кян-хайтыс, кял сист хот-туйтхатас.

Тырпим пярый номсахтыс. Тав саврыпят эл-пынстэ, нёвлен атсэн, вить тотыс, путят сёвылн тайтыстэ.

Васьлей ак кярт кивырт кял сист туньсис. Асирма олыс, тав ёл-пемлавес, кялн мынх пилас. Нысняр воарых? Юв ак кярт кивырт ат хайтан: хося ма. Ус кян хультых ат тяий: польтахтан. Арий оатиняр воарнэ атим, Тырпим палт мынх коарых.

Тырпим тит рон ак ток Васьлей мос номсыс. Тав Васьлеймы сяръистэ, ас олум ток рохтуптыстэ.

Нёвыль путят нал тайтим ийпалт, тав Васьлей туньсим мынэ, кял сисн мынас. Тыр-

пимм касилам, Васьлей ус хот-хайтых ньырыс, тоныл пярйй номсахтыс, ёл-олмыяс. Тырпим тав похатэн ёмыс, морсь туньсис, тоныл китыйластэ:

— Нысняр туньсян?

— Ос.

— Хумыль ос? Кял кивырни мыныйме, польтахтан, хойтых йимтан.

Ёл-сёпылтахтмен ийпалт, юртехумый кял кивырни мынысэй.

Молях нёвлян поссыт. Тырпим тэнэ пясин кярстыс, тэн тэх вытсэй. Тэнэн эл-поалат сяй оанэ сыпыл орык айсэй. Исыйлысэй, лыхылни мынысэй.

— Ман, пес атым, эра тох варлолов, — мятум туспянгкыл нёвыл товтлим, Тырпим сотахтыс, — матыр хонтан ке, морсь айлан, ат хонтан ке, питьман ат титилтиян.

Васьлей Тырпим ёт лыхыл латтыс, тав ань пилтахтыс, матыр тоарийтал выл латтых. Тав, пянгкят ёл-таратэм, нёвыль тэс.

Тырпим Васьлейн сунсыс, китыйластэ:

— Нэй хумыль пилум вынлан? Пянгкын ёл-таратаснын. Атиняр выл номсын! Холит коа-лийме, ус сус кинсых миныйме.

Васьлей виньсыт касилас, Тырпим ат осся-лый. Васьлей пянгкят нук-алмыстэ. Ань тав сама Тырпим нупыл пилтал суссэй. Тав суиньсь латых пымтыс.

Тэн хося лыхыл латтыйсэй. Тырпим ворялум асе арийластэ. Васьлей нупыл латтыс, хумыль вор ялх коарых. Тоныл тав Васьлей улумм номылматыстэ.

— Ате, холтовыр нэй латтыйсын, лувиннэ алата няхвесын. Нэй улмын соий емтыс, алата няхвесын. Нэй лувын амнан пуввес — сусын аласнум.

— Там, Тырпим, — Васьлей латтыс, — улмыт — тарвай ась. Сав улмиян, соий атиняр ат олийлоалый.

Тырпим морсь вынлыс, номсыс, тоныл Васьлейн латтыс:

— Хыннярнэ тав хасьве? Ам акмат порат улмыясум, кялум юв-тайвес. Нэт латтыйсыт: ам поя хумый емтам. Тон ийпалт хус тал мылас, ам нэматыр ат пойтасум. Виньсыт советский власть емтум порат, ам лынийнув олых пымтсум. Ам пувым ак ток латтый. Ань мятум хум верхар палт ханисьтахтый. Вер элмхолас мятум хум палт сав пес олум асит тара-паттый, верхум элаль вый, лёнх холтый.

Хумый тэм аюм поссэй, хуйх кярстахтсэй.
Тырпим Васьлейн латтыс, холит тэн торья мына:
Тырпим сус киньсых, Васьлей лийынъях.
Тит ийпалт тэн, товтын исылтям, ёл-оил-
мятвясэй.

ш

Юртхумый нук-кисьмян порат, кян посаный
олыс. Тэн сяй айсэй, тэсэй, палый мынысэй:
Тырпим сус кинсых Васьлей—лийынъях.

Тырпим ус ак сус алыс. Нёвлян эл-атьсь-
лысэн, ингкых емтум порат, тав кялитэн ёхтыс.
Кялт атихынняр атим олс. Тав товт воарыс,
сяй пайтыс, юртхумытэм урых пымтыстэ.

Васьлей сос мяньтыл пы мыныс, хот типыс, я
ватян ёхтум, тав ёл-туньсьпыс, ань тав виньсьт
коасилахтыс, мот мынэ мыный. Тит я ватят
тэн кялян олыс, Васьлей титым ат хань-
систэ.

Мыннэ мы выратям, тав хося ак мыт тунь-
сис, тоныл, юиовылт, тав, вит овнэ мы суснэ
мос, янгкмы тара-саврых номылматыстэ. Я овмы
сунсыстэ, тоныл я алумпалн мынас.

Ампыт коасиласыт, косяен хот-типыс, тан
тавананыл эл-мыных ат пымтсыт, тав куркомят
хайтыйтасыт.

Торум инкыс, совт мотан, мотан ийпалт пе-
ламласыт, Васьлей пянгк нумпалт вырсясыт.
Тот, элын, хосят, йивыт нумпалт посын ёнгхуп
ныйлыс.

Я хорьяныл пы пятум, Васьлей ёл-туньсь-
пыс, элолт тав йивыт нупыл сунсыс, тоныл ёнг-
хупын ангкатыс. Сылъ пить аня касялам, тав ка-
сялахтыс, лонгкяль мынх коарых. Тав сой кял
нупыл ёмасыс. Морсь ёмым, ус ёл-туньсьпыс.
Тит рон ампэн элалъ патымласыт, хот-сумсыт.
Васьлей пискынят ёл-мянымтастэ, элалъ выра-
тях пятыс. Сама товтыл пыламласэй: пискынят
коат кивырт тяниртам, элалъ выртям, тав лёпыс:

— Сус касиласыт, аньтэ хорымтат.

Ампыт сой хорамтасыт. Васьлей кентят эл-
мянымтастэ, ампыт хортнэ мынэ таратыс. Морсь
хайтыс, ёл-туньсилмятыс, тьяк лёпым латтыс:

— Сус, сус калтсыт, уръяныл!

Васьлей элолэй ворт, тав ат ханьсистэ, ам-
пыт сус нупыл хумыль хортат.

Тав морсь туньсис, кентят нук-пынстэ, ус
элалъ таратыс.

Вор, тьяхла кивырт атиняр ат келыс, Вась-
лей сама товтыл тэсэй, тав тэпкян мянтыл
хольт хайтыс.

Тав, юиовылт, вытий ёхтыс. Ампэн тавэ касиласаныл, ус арий симынысь хортых пятсыт.

Тав ус морсь вытий лякыс, ампэн касилясан, сус атим олс. Ёл-туньсьпям, тав суиньсь латтыс:

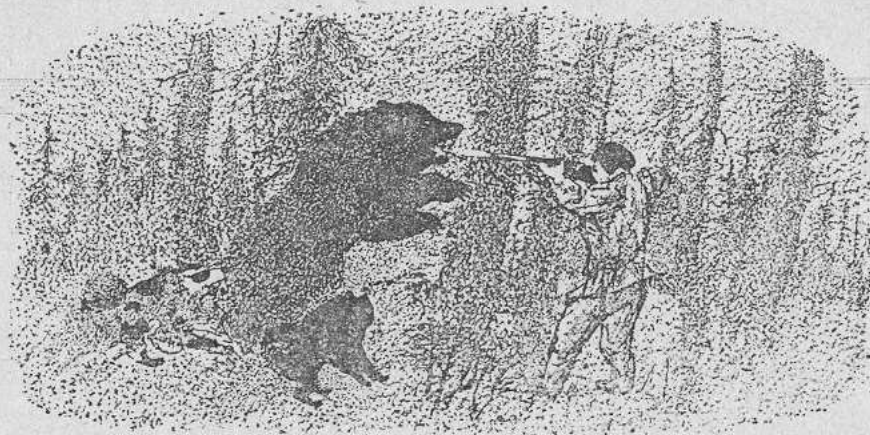
— Ам номсам нан сус калтсян, нан лиен хонтсян. Ипсмыт хотыл ам тавэ вийным. Тяк хультэ!

Тав пунын ховтнэ сунсыс, тоныл ампэн порыйнэ мын анкатас. Тав ротнэ товтын выяньсих самый коасилас. Выяньсих керьипас, Васьлей нупыл тотыпахтых ньырс. Ампыт тавэ пувсаныл. Выяньсих пярйи вынтыс, так тур пяьет керьис.

Васьлей элолт рохтыс, пярйи хайтых тоасьнэ олыс, тоныл нюврымтыс. Пискынят тоасьтыстэ, лыний выратахтыс, выяньсих нупыл минас. Выяньсих ак ток ат пилмыс. Тав ивол лайла тольхын туньсилмятыс, Васьлей нупыл тотыхатыс. Ампыт тавэ пувсаныл, пярйи виттыйсаныл, выяньсих ус арий симыньсь керьих пымтыс. Васьлей ань ат пилыс. Пискын нярамтан пялтнэ ёхтыс, хун выяньсих нук-алмыяхтыс, тав патытастэ.

Олмэ пялт тав элолэй выяньсих алыс.

Васьлей касилас, выяньсих холумн хуйи. Тав элолэй алум кинсяттыл сака сьвтыс. Тит мос Тырпимн тар-латтых номсум, тав выяньсих похан ёл-хутыс, кялн ёхтнэ порат юртэ эли-палт эсьйхатнэ мос, выяньсих пярйи эл-яхтса. Тав

сяра сохтый хутых астыс, хумыль мот выяньсих-осых вонгха кивырныл тав элипалят тавылмятыс, тав нуплэ лайхатыс. Васьлей пискынят выяньсих алий вортыйпям патытастэ. Выяньсих лыний хойвес, сям мос ат алыстэ. Выяньсих, Васьлеймы пувыстэ. Кит олпий росхтах пымтсэй, Васьлей элолт ёл-сансымлалыс, тоныл нук-кярстахтыс, выяньсих пярйи алий салахатыс, так холум выяньсих мяныйтям ампян нупыл оилтас:

— Куста! Пур! Пур! Тайкись!

Ампыт алум выяньсих эл-вахтьсаныл, лилын выяньсих нупыл патымласыт, иволт пувсаныл, мяныйтях ноктасаныл, Выяньсих тарвитин во-вын коатятыл Васьлеймы кятыртях оастыс. Васьлей сопыл сисн кит лупый халн пырытас. Пискынят тав ёл-полятэн илхтыс. Васьлеймы эл-вахтим, выяньсих я хорьян нал-поръис, тот ёл-пятыс. Холых емтум порат, тав полям мыкянымы выхрыстэ.

Васьлейн пярий коасилахтыс, лыний емтыс, нук-туньсьпыс, пискынят сунсыйластэ, тав ати-нярий ат таис, лосят палый ёвлыс. Морсь тунь-сим ийпалт, тав саврып, кясый вис, выяньсих похан мыныс.

Ампыт хортах ёл ат понсыйласыт, ёл-холах емтум выяньсихмы мяныйтасаныл. Выяньсих эл-мынномлят атим олс, тав ак мыт нёрсылыс, сёхыл вайп тур суетыл ойис. Тав ойинэ суй-ныл пылп элмхолыс ёл-сююкырляный, Васьлей саврып, кясый катыл тав нуплэ мыныс.

* * *

Тит порат Тырпим кял кивырт вынлыс.
Тав патронит нилхтыс, пискынят ловтыстэ,

тяк хойтылэт олсыняр эръис, кисас и, олсыняр мос номсях пымтым, пянгкят мавылн ёл-таратолыстэ. Тоныл, асьялтят понсылтям ийпалт, тав хансят тампахыл пинтластэ, кясымталстэ, и тый-тов ялъясалых овылтахтыйлыс. Хул киснэ пора вытимлыс, а тав инг астим атим олс. Ак тит порат тав колхозт олнэ мос номсыс. тякытяме китыйластэ:

— Амнан, мятум аньсихнэ, не лыньли колхозн тувых. Тот, эрын, кинэйнув йимтий. Тот, эрын пыл лынийнув олых пымтам.

Хося тав тох номсыс, тоныл ёл-вынтыс, лат-тыс:

— Васьлей ёт матыр-та емтыс.

Васьлей хот-типнэ мос тав ханьсистэ. Кин-сых тавэ тарвитин: туйт атим олс. Тырпим хося номсыс, тоныл юртэ кинсых кярстахтыс, Тав нук-мясхатыс, ывэ палый воарыстэ... Тит рон тав нуплэ выяньсих ойинэ суй ёхтыпыс. Тыр-пим кян-лякылтыс, пискынят ныырымтастэ, ам-пян оилтасэн. Ампэн атим олсыт, тан выяньсих ойинэ суйн мынысыт. Тырпим ак тов таратыс. Тав сака пилмыс, тав номсыс, юртэ выяньсихн юв-тайвес. Тав, хус талын вер хум хойтыл хай-тыс, лайла сяра мыкянн ёхталалсэй. Сусхатыс,

вор тяхла кивырт тав атихыннярнэ ёл ат урве.

Тырпим Васьлей мос пилыс, тит мос тав морсян ёл-туньсилмятыйлим, элын пискын суй урим, хунтлыс. Пискын суй ат суйтый, а только полим йивыт хося холыл вослат, хуйх атхатум йив тольхыт лосил лёпийхатат. Тит мос тав номсых пымтыс. Васьлей, эрын, лилын атим.

Выяньсих суингысь, пилсьмангысь оийнэ туре суйтыс. Выяньсих инг пилсьманг олыс.

Тырпим выяньсих похан вытимлыс, ёл-туньсьпыс, элаль хонтлыс, юртят хот ат суйтый ли. Тав выяньсих суйныл, ампыт хортнэ суйныл арий атиняр ат хулыс. Морсь туньсим ийпалт, тав перна пувтыс, номсыс: „Мятамый емтсум. Самамыл люлий выюм“.

* * *

Тит порат Васьлей ёт нысняр емтыс? Выяньсих похын вытимлям, Васьлей Тырпим ампыт касилыс. Тырпиммы тав ат выстэ. Васьлей ат номсыс, Тырпим ипс мыт тый юртятн нётых йив.

Выяньсих Тырпиммы касиластэ, оньсим ивол вовян акан атлийтасанэ, хомый туньсилмятыс, Тырпим нупыл лайхатыс. Тырпим пес ворыяп

хум. Тав сав васинталыс, ань тав ат пилмыс. Пискын носят нук-тусьтпыстэ, тяхтпахтыс — пискынят сёркытыс. Тырпим пянгат кивырт холыйланэтэ мос номт ёхтых ат оастыс, выяньсих катыйнэ пуввес, нёлсаматанн выяньсих палый хартум тусныл полх сайрын ньырыл таратас. Хун Тыр-

пим мыкянн пятых пымтыс, выяньсих коата пясьтал патсэй, лилят сыпый толымятыс. Мы-

кян тармылт пунын выяньсих похат хуим, Тырпим касялыс: Васьлей ёл-хутим тав элиполят туньсий. Васьлей кат кивырт выяньсихмы путмям кясят урыстэ.

Суйтал пятыс. Осьтям ампыт, хосый холът, выяньсих тармын сулитасыт, тавэ мяныйтях ноктысаныл. Васьлей Тырпим нук-алмыстэ, китыйластэ:

— Мятырын хотум ат воарвес?

Тырпим ас олыс. Тав катэ тырыйсэй, санс-пянгкя актон сыпый ёвылсэй. Тоныл, мат савит минута мыным ийпалт, Тырпим мувалалыс.

Васьлеймы так алыт сыныйтастэ, псяластэ, латтыс:

— Пумасипа, пумасипа, ам юртурм! Нэинан сака яный пумасипа! Тав елпылей Васьлеймы мавлытэн сыныйтастэ.

Торум ипсый олыс. Ань выяньсихый нивыланомыл атим олс. Юртурмый номсясэй, тэн холтовыр, сяра постых пымтнэ порат, нывылахтых пымта. Тэн морсь тусьсэй, ласял кялянн ёмысасэй.

Васьлей ворьян хотылят тарвай ат мылыс: тав кит выяньсих алыс, ак нёкса, хурум лиен. Так морсь тымтавес, лилын хультыс.

Юртурмый кялян похан вытимлясэй. Тэн ампэн косяен курком хайтытасыт, ань тан ротнэ элаль патумласыт, кялнэ элт ёхтнэ мос, косятэн лёльт хойнэ мос хот-сумсыт. Тан эра ток ханисьтам олсыт.

Юртурый полим, исп кялянн тувсэй, товт воарсэй, эл-лынгхсяхтсэй, ёл-вытсэй. Тырпим Васьлейн ангкатыс, китапыс:

— Войнынт нысын келп?

— Войнумт?—Васьлей тоныл пянгкят пярый ёнгхтастэ, латтыс: „Атиняр. Ам пискынтал хультсум—ти арий люль ась“.

Тырпим Васьлей пискыинн сунсыс, емтурм вармалым тара-ханьсим, латтыс:

— Пискынын палый сойлыснын?

Тит лынгхыт холим, Васьлей мувалалыс, емтурм асе мос Тырпимн тара-латтых пымтыстэ.

Васьлей латтыймэ ийпалт Тырпим латтыс:

— Ёмас, нэй сотын, улин русим, лилын хультсын. Ас войнын ёт нысынар емтыс?

Тырпим Васьлей-кяртурмы эл-лынгхыстэ, войнят сунсыйластэ, нормянын сайрын нысынсыпят вистэ, Васьлей войнмы лап-перыйтастэ, латтыс:

— Атиняр, ялтурый. Турумн увесын, тавнан хосьин.

— Ялтурый,—Васьлей актон латтыс,—турум тит оатиняр ат нётыс. Ам тавнан моркум, ань пянгктал хультнам, холумн луп сист пывыралнам. Ам, турум мос ат номсим, вовям акт атсям, выяньсих ёт алхатых мынасым. Амнан, элмхоласн касын вор вый-хул холтуртаве,—ам турумн, нийтытн ат хунтурям, амкыт вовымн морам!

Тоныл, кяртурят нук-мясым, тав сопыр кяс кивырныл выяньсих пярый кян-вис, Тырпимн мим латтыс:

— Тит харме ам акомкыт алыснум.

Тырпим Васyleй коатныл пялиймы кян-мянум-таса, мавлят алий таниртыса, мятсюв суйтал вынлыс. Тоныл Васyleй нупыл ёнгхыс, тав саматэн сунсыс, тырпим питьматыл латтыс:

— Нэй яный пола варсын. Выяньсих пялий нукоарх эл-яхтсан?—Ток латтым Тырпим нук-коалыс, ывмы палый варыпастэ, кян-мыныс. Морсь олум ийпалт тав нихйив сыль ёт пярййис. Кясъет сипыльныл вистэ, нбыл, ёвт воарых пымтыс.

Васyleй суйтал вынлыс, Тырпим ийпалт выратыс.

Тырпим нбыл, ёвтят поссэй, тоныл тав тэна выяньсих пялий ёт нормяни пынса, санспянгкын туньспям, турсупыл латтых пымтыс:

— Яный пыпкясюм, ам нэйнан атьсын люль ат варсум. Ам эра нбыл, ёвт ёт вор ялсум. Ман, маньсит, пискын нбыл воарых ат хасов, кер пискыныт ат ханьсев. Тит пискыныт русь оатум номылматсыт. Тан мановн, маньсь оатымн, пертьяныл. Ань ман ток кер пискын ёт ялов, манмонгк нбылов, ёвтов хот ат ёрвалыйнув. Нбыл, ёвт ёт ман нэйнан хосьев. Яный пыпкясюм, анумен яный поала выл воарын. Ам нэй-

нан оатьсын кырх ат воарлалсум. Русит кер пискыныт номылматсыт. Тан кер пискыныл нанын аlich пымтсаныл. Яный пымкясюм, анан поала выл воарын, ам сотум эл выл вяен! Ам олых нбырам!..

Тит лыхылт холым, Васyleй ат пермыс, мяиньтях пятыс. Тоныл санспянгкыт туньсим Тырпиммы нук-алмыстэ, вынпъивын выттыстэ:

— Нэй, Тырпим люль ась воаран. Ам мятсювынтэй нэйнан латтам, выяньсих нэйнан ат нётый, тав нанын ат сёрыйтэ. Тит пес асит, нэй танан выл хонтлын! Тит ась элмхоласыт номылматсыт. Нэй пувын, овын торум ат хосья, тавнан ат мора. Нэй ак ток пярйй номсахтын!

Хося Тырпим суйтал вынлыс. Тав Васyleймы хонтластэ. Тоныл, атиняр ат латтум, сяй аих пымтыс.

Сяй аймэн ийпалт, тэн нёвыль пайтысэй, сяй оанэ супыл орак аяласэй.

Тырпим лыхылыл мынас. Маньсит вор ялнэ, хул киснэ мос латтых пымтыс.

— Ам тётямныл холыйлалсум, — Тырпим латтыс, — пес олым порат пискын ёт ворн ат ялсыт, тан нбыл ёвт исьсыт. Выяньсих танан кярййлоалме порат, тан тавле кясъил алий-

лоалсаныл. Русыт ёхтсыт, пискын ёт тотсыт. Хун выяньсих нупыл пискын ёт вор ялых пымтсыт, тав осьтыс, вьй-хулт поаситалых пымтсян.

Тырпим латтых посме порат, Васьлей сотахтыс:

— Сох, нысняр нэй латтыйсын, — тит элмахолас номылматум асит. Торум атиняр ат воарыс, сох элмахолыс номылмятыс. Тан, тантонгк выр-выр номылмятсыт, Кясый-тав акток керныл варым. Нан тавэ ат воарснэн, алхыннярн тав, пискын хойтыл, нанан пертвес. Ман ань ёмас сайтыл, посын хоталыттыл олэв. Ман ань пес асит ханьсийнов, элаль выяв. Лыни олнэ поран, посын хоталытн манов коммунистический партия тотсян. Пес олмув пора номтув мос урыйльйнов!

Тырпим хося Васьлеймы хонтлыстэ, атиняр ат латтылыс. Васьлеймы хонтлым, тав ат осьялыс, мяиньтис, лилтсалыс. Тоныл тав Васьлей похан лякыс, тавэ пясилэм; латтыс:

— Ам номсасум, нэй атиняр ат ханьсян. Нэй сака ёмас хум осын. Ам нэйнан моарам! Нанын эруптыйнум, сака эруптыйнум!

Ток латтум ийпалт, Тырпим екых, эррых пымтыс!

— Вьй-вы-е-э-э, вьй-вы-е-э-э.

Капыр най, сяпыр най...

Ёмас пувым, улин пувым,

Ёмас кинс нэй хотсын...

Вьй-вы-е-э-э, вьйвы-е-э-э,

Капыр най, сяпыр най.

...Пов тальхын ялсум.

Выт нэхсалсум...

Бьй-вы-е-э-э, вьй-вы-е-э-э.

Капыр най, сяпыр най.

Яный усин мынасум

Русит палт ёхтысум...

Вьй-вы-е-э-э, вьй-вы-е-э-э

Капыр най, сяпыр най.

Мяснэхар, тэнэхар тот ёвтсум

Орык юв тотсум...

Вьй-вы-е-э-э, вьйвы-е-э-э,

Капыр най, сяпыр най.

Юв ёхтсум.

Полькасий, галоший мяссум...

Вьй-вы-е-э-э, вьй-вы-е-э-э,

Капыр най, сяпыр най.

Ток ам улин павылум мянтыл ялсум,

Товтам, пискынул лёнхын кярстысанум...

Вьй-вы-е-э-э, вьй-вы-е-э-э,

Капыр най, сяпыр най.

Тав ёл-туньсьпыс, хонсят тампыхыл пинстэ, кясамтастэ, Васьлей похын вынтыс, коатят Васьлей войинн пиныстэ, латтых пымтыс:

— Аквмят порат ман ворн мынысов. Ман хурум хумн олсум: персамп Ванька, Сисьвы Лёпка, ам. Ам амп исьсум. Тав, чёртнэ пыл ат хасьве, хумыль лиен кинсыс. Выяньсихныл алым-пал пилыс. Хотал ёмас олыс. Ман хося ёмсув. Тоныл воньсахтых емтсув, сяй аих кярсахтасув. Сяй пайтысув, вытсув, оанов амыртаснув, ман-монгк лыхыл-латтов.

„Ам ротнэ оилтасум: — Выяньсих! — Тав Ванька похын вытимлыс, тавэ пувстэ. Ванька хот ат рохтыс, выяньсих пялий алий салахатыс, тэн росхтях пымтсэй.

„Ам, саврып коатыл, тый-тов порьям, ныс-няр хумыль ваорыпях ат ханьсийнум. Саврых пилхати: юртум ёл-саврых хося атим, патытях ак ток пилам. Тоныл сипылюмныл кясим кян-нырымтаснум, выяньсихмы путмаснум, кяхрят палый сылыяснум. Тонт тав Ванькям эл-тоаратастэ, хомый туньсьпыс, кян-лоньим сахян акян атум, эл-хайтыс.

„Ванькям лилын хультыс. Мен сунсийлахт-сумен, коасиласмен, Лёпкамен атим. Хоталь-та мавымтахтыс. Тоныл ханьсиснямен — амп лёнгх мянтыл хайтыс, тав ийполят выяньсих вый-тахтыс“.

— Йит-ёхтыстэ?

— Чёртнэ тэн йит-ёхтвей. Лёпка актон сисьва. Тамле порат, тав, эрын, ампыл ёл ат хультыйлыс.

„Тонл мен выяньсих лёнгх ийпалт мыныса-мен, йит-ёхтыснаме, алснаме, нёвлят эл-атьсь-ласнаме, итий кялн ёхтсаме. Тав тот хуялоа-лый. Тамле элымхолс ёт вор ялнэ мос, няхкянт ялых арий лынь. Акынянт нянгкын ханьсийнын...“

„Вот, Васлей, нэй виньсьт ханьсяснын, вор ялнэ ась хумыль тарвай ат мыктый.

— Сой, ти сой!

— Ам нэинан, улин пувым, латтам, нанг-кын урийлэн, выяньсих коатн выл пяттахатын, тав нянын палый сояллийтэ, тонал пянгкын эл-мянумтыйтэ.

— Хыннар тьяк вовытян моарый, тав оати-хот ат холыйлый. Хунпыл ёл-сюкырлях коарых; кит пор ёл ат сюкырлан, акпорныл хот ат пе-румтан.

— Алпыл, алпыл, улин пувым, нянгкын сонатыйнын. Хот выл ёрвылян, выяньсих нэй ётлын ёнъих ат пымтый, тав тит мос номся-номлят атим. А нэй посын торумн пятых ат оастсын, вонгха кивырн атысьлахтан. Амнан

сунсын, хотпан тал посын торумт олсум, сав тарвитин, люль выр васум, ус олых, олых нбырам! Ань виньсьт амнан кинэ хоталыт ёхтыс. Ань виньсьт атум амнан нётых пымтыс.

Тэн вор ялнэ мос пес асьт мос, тэнгк олнэн мос, элаль олнэ мос хося латтыйсэй. Тоныл тэн, латтум посмен ийпалт, хуйнэ мы кярстысэй, ёл-хуясэй, исум товтнэ исылтавесэй ёл-ойвесэй!

iv

Холтовыр. Торум дынь. Вот морсь вотыс. Хотыл ласял ныйлыс. Тав, свянтыл вор яный йивыт тара пясапым, ворыяп хумый кял кисняс тара постыс.

Тырпим сама палый пусса, пянгкят нук-алмыастэ, киснясийнэ сунсыс, латтыс:

— Хотыл. Васьлей, коалын, хося хуясамен!

Юртхумый молях сяй айлытасэй, мяспахтасэй, выяньсяхен похын мынысэй.

Тырпим элт ёмыс, Васьлей — тав ийполят, пискынтал. Амп ротнэ тэн поханэнт хорымтас. Тырпим ёл-туньсьпыс, латтыс:

— Лиен хонтыс.

— Нэй хумыль ханьсийнын?

— Хумыль ат ханьсийнум? Сусн тан молях

хортат, выяньсихн симыньсь, толалам, лиенн хося холыл.

— Виньсьт ам ханьсих пымтыйнум! — Васьлей тавнан латтыс.

Тэн лиен похын ёхтсэй. Тырпим тярыйн сунсыс, мяиньтым Васьлейн латтыс.

— Алэн!

— Няснярыл? Нэй алэн, ам пувыйнум.

— Пискынтал юв тэвын, — лиенн тяхтхатум, Тырпим мияньтис.

Юртый выяньсихий похан ёхтсэй, ньывылахтсэй, норма воарсэй: нёвлян эл-атьсьластэн, воньсяхтых вытсэй.

Тырпим ханса кясымтыс, Васьлей нупыл сунсыс, китыйластэ:

— Нянгк мывын мос коасын ат холый? Юв ат номсан?

— Юв ат номсам, коасум ат холый, колхозтал олномым оатим?

— Колхозтал олномын атим?

Васьлей Тырпимнэ колхоз мос хося латтыс. Тав юртытн тара-латтастэ, колхозт арий кинэ, лынь. Тоныл тав тэнэхар эл-атьсьлэн мос номылятыс, молотилка пумсингысь суйтнэ мос, емтан лувын тракторыт мос, висьнэт алпыл, холтовыр,

асилтях мыннан порат суин пумсиң эрџит эрџи-
нэ мос латтыс.

Тоныл тав Тырпиммы китыйластэ, тав кол-
хозн хумыль ат тувсый?

Тырпим морсь вынлыс, юртятн сунсыс,
хансят елпылэй кясынтастэ, Васьлеймы китый-
ластэ:

— Ас нэй колхозт хумыль ат олан?

— Ам? — Васьлей пумсиньсь мяиньтис. —
Ам виньсьт ёхтсум, нэпак мисым.

— Мисын?

— Хосят мисым. Ам олум мывымныл прав-
ление справка вовыс. Тит, правление ам олум
колхозум справка урый... Тырпим, аkyat колхозн
тувыймен?

— Там. Ам мятум осум, хыннярнэ тыхтых
пымтовым?

Тырпим хося ат тангхыс. Васьлей тавнан
колхозт олнэ мос латтых ёл ат понсыйлыс.

— Нэинан нётнэ хар колхозыт олуй.

Колхозн мыныйме, аkyat вор ялых пымтыйме!

Тырпим пярй атиняр ат латтыс.

Воньсяхтсэй, лыхыл латтыйсэй, тоныл,
инкых емтум порат, тэн кялэнн ёхтсэй.

Хуясэй, холтовырколсэй, лийынъях мынысэй.

Тэн ус хурым хотал вор ялсэй. Васьлей
Тырпим ийпалт саврп ёт ялыс. Тэн ус ак сус
алсэй, алынсюв лиен, тоныл юв мынысэй.

Итий, пяилмен ипалт, Тырпим Васьлеймы
так палтэ вотыстэ.

Тэн юртынсь хося мыт-мыт асит мос лыхыл
латтыйсэй Тырпим пувят, овят, эkyat йин олсыт.
Тан ак ток ворьяп хумый ёт лыхыл латтыйсыт.

Тырпим тоныл, пувят, овят нупыл сунсыс,
ротнэ латтыс:

— Ворт мен Васьлей ёт латтыйхатсамен,
акят колхозн тувыйме!

— Лынь, сака лынь ась! Ам хосят нанын
вотысным...

— Ам воатасным, тав амнан ак ток ат хонт-
лыс, — япят нупыл сунсыс, висьнэ латтыс.

— Туван, олх пымтыйме, хумыль пермыйме,
ток асьсилтях пымтыйме, — мятум анккыське
нёлатэныл посым таратям латтыс, — ам олкун
нэй тарџин латтыйсыс, висьхарэн колхозт ась-
силта, нэй акынянгк.

— Нан воатыснян, латтыйсян, — лыний
тара-латтыйномлян атим олс... Ань, хун ам
тав ётлэт сат ялсум, тавнаныл олнэ мос сав
лыхылт холсум, амнан сох тара емтыс. Элолт

морсь осьяласме, тоныл тав-анум ханьсистэ. Нанан сой латтых, Васьлей эл-палт ам тый-тов номсасум. Тов порат русит ат эруптасум. Ам ат торгамтаснум, тан халант, ак ман хой-тылув, сир-сир элмхоласыт олат... Выньсьт ам олупса лыний ханьсих пымтсум.

Тав Васьлей похан лякыс, коатят тав вой-нятнэ пыныстэ, элаль латтыс:

— Нэй, Васьлей, сака ёмас хум осын! Ам нэй ётлын вор ялсум. Нанын ханьсьтаснум, амкыт нэйнаныл ус арий ханьсьтахтсум. Ам ворт нэй ётлын олсум, ус мынам, ам нэй ётлын, колхозт асьсилтях пымтам, тот менгк моасямен, тан моасян, — тав висьхаранэн коатыл сун-стыс, — лынъ олупса воарых пымтыймэ. Менгк коатяме нюврысь акян сыныйтям ола. Тэн оати-хыннярны оатихун палый ат мянумтавей!

Най анум эл ат вахтийнын, ам атихун ёл ат хультам!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВА ОХОТНИКА

ПЕРЕВОД С МАНСИЙСКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ПРЕДИСЛОВИЕ

В необъятных лесах по берегам великой сибирской реки Оби и ее притоков с давних пор охотятся манси. Они хорошо знают природу родного края, изучили все повадки зверей и птиц, по собачьему лаю распознают, какого зверя на охоте учуяли собаки. Но веками тяготели над угнетенными царским правительством манси старые религиозные предрассудки, заставлявшие смелых и опытных охотников поклоняться пустякам, благодарить выдуманные божества за свою добычу. Рука об руку с религиозными предрассудками шли национальная рознь и недоверие к другим народам. Нескоро изживается старое, нужна очень большая работа для того, чтобы расчистить почву для строительства нового, коммунистического общества.

В рассказе Пантелея Еврина (тов. П. К. Чейматова) показана часть этой борьбы нового со старым.

До Великой Октябрьской социалистической революции у мансийского народа не было даже письменности. Только ленинско-сталинская национальная политика вывела манси на широкий путь культуры, к свету и знанию. В тесном содружестве с великим русским народом, со всеми народами советских социалистических республик идут манси по этому пути. В мансийских школах ведется преподавание на родном языке. На родном языке читают манси речи вождей партии и правительства, а также произведения лучших мастеров художественной литературы.

Народное творчество манси очень богато. С давних времен среди народа было много одаренных людей, слагавших песни, сказки и былины, дошедшие до нас в устной передаче.

В наши дни среди манси появляются первые писатели. Они стремятся отображать в своих произведениях нашу советскую действительность, новую жизнь своего народа. Пантелей Еврин (П. К. Чейматов) выступает застрельщиком в этом деле.

Молодой автор прошел трудный путь, прежде чем начал пробовать свои силы в литературе. С детства он охотился и рыбачил на реке Конде вместе со старыми опытными охотниками и ловцами. Только 6 месяцев проучился в школе тов. Чейматов в свои детские годы. Потом в его учебе наступил долгий перерыв. Но тов. Чейматов занимался самообразованием, читал книги, старался всячески пополнять свои знания. У себя на родине он был организатором и секретарем комсомольской ячейки, был и на кооперативной работе, а с момента организации колхоза работал в нем. Проучившись 9 месяцев на окружных курсах национального актива, в 1934 г. он был командирован Кондинским райкомом ВЛКСМ на учебу в Институт народов Севера в Ленинграде. В настоящее время тов. Чейматов — студент Института народов Севера, член вузовского бюро ВЛКСМ и председатель профкома института. Он работает над художественными произведениями, в которых рассказывает о том, что сам он пережил и передумал.

Рассказ „Два охотника“ первое оригинальное художественное произведение на мансийском языке. Мы надеемся, что скоро появится много новых произведений молодых советских писателей, вышедших из мансийского народа.

В. Наумова

В конце сентября выпал снег. Охотники и рыбаки встревожились. Каждый думал: снег рано выпал, скоро и стает, а после этого сделается половодье; для охотников же и рыбаков это плохо. Иные предсказывали, что после снега пойдет дождь, потому что вверху над деревьями двигались черные тучи. Но предсказания не сбылись. Снег стоял. Черные сухие тучи медленно сползали, словно с громадных горных вершин, а из-за них показывалось ясное небо.

Настали хорошие дни, каких давно уже не бывало.

Ясная погода оживила охотников и рыбаков. Каждый из них чувствовал горячую радость, предвкушая богатую добычу и улов.

В течение всего октября стояла тишина. Небо было чистое и светлое. Иногда появлялись темные снеговые тучи, но они скоро уходили прочь.

Утром, перед восходом солнца, над деревней пролетали глухари и косачи. Некоторые из них садились на деревья близ деревни. Ребятишки, увидав птиц, схватывали ружья, подбирались к ним и убивали.

В один из таких ясных дней пошли в лес два охотника. Старшему из них, манси Трофиму, было лет шестьдесят. Двое детей Трофима — сын и дочь — работали в колхозе со

дня его организации. Сам Трофим еще не был в колхозе, не понимал, зачем туда вступают другие, хотя сын, дочь, соседи, а иногда и жена-старуха, которой правилась колхозная жизнь, — немало уговаривали его вступить в колхоз. Но Трофим отвечал, что он уже стар, неспособен работать наравне с молодыми, что поживет пока один, а там и смерть недалеко.

Однако уговоры семьи и колхозников даром не пропадали. Слова сына, в которые Трофим вслушивался, указывали ему единственно верный путь в жизни; собрания колхозников, которые он посещал время от времени, призывали его встать на тот же путь. Дружная коллективная работа колхозников влекла его к себе. Теперь колхоз стал ему помогать: ему доставляли сено, дрова, иногда привозили ему в лесную избушку дробь. Это заставило его призадуматься. И теперь он колебался, сравнивая колхозную и единоличную жизнь.

Были у него свои странности, которые мешали ему войти в колхоз. Трофим верил в бога, верил и шаману, нередко выступал против русских. В царское время он, манси, не раз ссорился с русскими торговцами, старавшимися его надуть; с тех пор он на всех русских стал смотреть с недоверием.

С Трофимом в лес пошел русский охотник Василий. Василий осиротел в детстве и стал жить у своего бедного дяди. Дядя Василия в прошлом не раз побывал в тюрьме за то, что подбивал бедняков бороться с богачами и сжигал иконы.

С момента организации колхоза в деревне, где он жил, Василий четыре года работал там. Когда у него умерла первая жена, он женился на мансийской девушке, переехал из далекой русской деревни в мансийскую — на родину жены — и первый раз попал в лес. Трофима он еще плохо знал.

Оба охотника были одинакового роста. Шли они, разговаривая и переваливаясь с боку на бок. У обоих были прозвища: у Трофима — „бык“, у Василия — „медведь“.

Сначала они шли по лесной дороге, а потом свернули в сторону и пошли на гарь, где водятся лоси. Они пробирались через темные, густые сосны, ели, пихты и кусты. Сквозь ветки деревьев вверху едва виднелось небо. Трофим шел впереди, Василий следом за ним. Иногда они останавливались, прислушиваясь, не лают ли убежавшие вперед собаки. Но собачий лай не долетал до их слуха, и, постояв немного, они снова двигались вперед.

Так шли они целый день. Собак не видали, и где их искать — не знали: снега не было и собачьих следов заметить было нельзя.

Но вот Трофим остановился, дождал Василия и сказал: — Неудачливый ты человек. Из-за тебя не можем ничего найти.

— Почему из-за меня?

— Удачи не имеешь. Видели одного рябчика, да и тот улетел, убить не могли. Какие мы охотники? Чем кормить нас, лучше похоронить, по крайней мере хлеб есть не будем.

Василий рассердился, но ничего не ответил: он не знал, что Трофим шутит. Помолчав немного, Василий спросил:

— Ты думаешь, собаки где-нибудь лают?

— Попусту бегать не станут, — ответил Трофим и двинулся дальше.

Спутники подвигались медленно. Звук их голоса раздавался все реже и реже.

Трофим шел впереди, Василий — позади него. Он стал отставать, устал, но Трофиму ничего не говорил. Стараясь итти по стволам лежавших деревьев, он постоянно падал то набок, то на спину, то лицом вниз. В душе он бранился и негодовал на Трофима, считая его виновником того, что день потерян попусту.

Между тем, Трофим время от времени останавливался и

подшучивал над Василием, чем приводил его в еще большее раздражение.

День склонялся к вечеру, солнце постепенно уходило все дальше и, наконец, исчезло там, где ясное небо сливалось с вершинами деревьев. Вскоре разными огнями загорелось множество звезд...

В лесу стало совсем темно. Выплыл месяц, но свет его не мог проникнуть через густую хвою высоких елей, кедров и сосен. Могучий молодняк, крепко сцепившись своими ветками, не давал путникам прохода. Толстые стволы огромных деревьев расстилались поперек дороги. Тонкие прутья берез и рябин, вырываясь из рук, разнимавших их, безжалостно били по лицам. Казалось, идти дальше невозможно. А Трофим все шел и шел вперед. Василий совсем изнемогал и искал путь только по звуку шагов Трофима.

Наконец, Трофим заметил, в каком состоянии был его спутник, решил остановиться и стал искать сухое дерево для костра. Нашел елку и сделал привал. Когда Василий дошел до него, Трофим спросил:

— На ночлег, что ли?

— Я думаю.

— Устал?

— Устал не устал, а в темноте трудно идти. Путь замерзли, стали крепкими и упругими. Хватят по лицу, так слеза из глаз, — поневоле заплачешь; цепляются за одежду, по ниточке разрывают. Перех,¹ валежник, темень... Чорт знает, как это ходят люди в лесу?

— Да, по лесу ходить нелегко. Это не пашню пахать.

— Ну, и пашня не даром достается, — сказал Василий.

¹ Перех — густой молодняк деревьев (елки, пихты, сосны, рябины и т. д.).

— Знаю, — возразил Трофим. — Но ведь пашня-то дома. Поутру встанешь, вспашешь, поешь, попьешь, да и на постель. А в лесу не то, ходишь, ходишь, как собака устанешь, а постели-то и нет. Вместо нее колючая еловая хвоя... Ну, снимай крошны! Разведем костер и ляжем здесь.

Они расположились в дремучем лесу. Срубили сухую елку, развели костер, попили чаю, сделали постели и улеглись спать.

За целый день добыть ничего не удалось. Василий все думал о собаках, они из ума у него не выходили. „Если они убежали домой, — думал он, — так к нам уже не придут“. Полежав немного, он спросил Трофима:

— А что же собак долго нет?

— Не знаю, — ответил Трофим. — Далеко угнались, поэтому и нет, ну, да вернутся.

— Да как же они нас найдут-то?

— Как? Станут искать и найдут. А не найдут, так и домой убегут.

— А мы что станем делать?

— Пойдем в избушку и станем лежать да хлеб поедать.

Василию эти слова не понравились. „Трофим, — думал он, — пришел в лес не охотиться, а в избушке лежать да хлеб есть“.

Полежав немного и почесав затылок, он проговорил:

— Теперь целевое снабжение.

— Так что же? Пусть будет целевое снабжение. Какое мне дело?

— Будем даром есть хлеб в избушке? Съедем, а потом что станем делать?

— Рыбу, мясо есть.

— Мясо? А его надо искать.

— Найдем!

— Без хлеба, без собак ничего не найдем. Промысла нет и денег не будет. Без денег хлеба не купить, а даром не дадут. Ничего не промыслишь, так и зубы клади на полку.

— Пусть полежат, немного отдохнут.

— Они будут отдыхать, а брюхо-то и подтянет.

— Да что ты зубы-то скалишь, — сердито сказал Трофим и, приподнявшись, сел, — я шутя говорю, а ты издеваешься...

— Сам начал...

— Дозвольно, — сказал Трофим, снова ложась, — спать нужно. Поутру встанем, пойдем в Тимкинский протес. Там водятся лоси.

— Да собак-то ведь нет! Без них мы остались, как без ног. Ходи, не ходи, все попусту.

— Ну, и без собак пойдем. Ты будешь вместо собаки, а я ружье возьму. Ты будешь лаять, а я — стрелять.

Василий рассердился, приподнялся и, взглянув на Трофима, сердито сказал:

— Ты только зубы скалишь и больше ничего!

— Нет, нет.

— Ну, как нет? Я правду говорю, а ты лежишь да смеешься.

— Я сорок лет уже охочусь, сам знаю, что и как надо делать. А ты ничего не знаешь, так и молчи... Спи! Пока ты спишь, и собаки придут.

— Разве могут они нас найти?

Трофим рассмеялся и, посмотрев на Василия, сказал:

— А ты как думаешь?

— Ты сорок лет охотишься, — ответил Василий, — а я первый раз сплю в таком лесу и у нодьи. Я думаю, что они не найдут нас.

— Ты думаешь, а они бегают да ищут... Будет, спи!

Трофим повернулся спиной к огню и замолчал.

Время пошло уже за полночь. Вечерняя заря потухала. Звезды блестели золотом. Медленно двигалась среди них большая луна. Тени деревьев падали на отдыхающих охотников.

Трофим спал. Василий долго еще ворочался без сна, думая о собаках. Но, наконец, он заснул, и так и не слышал, как прибежали собаки.

II

Начало светать. Луна исчезла где-то за большими деревьями. Трофим проснулся. Сварил чай, накормил собак, вычистил ружье и сел есть. Товарищ его спал безмятежно. Трофим понимал, что Василий очень устал, а потому и не будил его. Только когда стало совсем светло, он, наконец, разбудил товарища.

Василий встал, оделся, умылся и сел с Трофимом пить чай. Почерпнув большой жестяной кружкой чаю, он завел речь о своих снах:

— Ведь что только и не приснится человеку!

— А что же тебе снилось?

— Не знаю, все запомнил. Один только сон помню, страшный сон.

— Какой такой сон?

— Да ты заснул, а я еще ворочался. А когда заснул, то вижу, будто я поймал и держу вороную лошадь. Хорошая лошадь! Встала на дыбы, как веретено вертится, рвется вперед. Сначала я сдерживал ее. Потом она стала гоняться за мной; куда я побегу, туда и она. Наконец, я ее отпустил.

— Куда же она девалась?

— А когда я отпустил ее, она подмяла меня под себя и стала топтать своими ногами. Я испугался, хочу бежать и не могу. И так смерть, и этак смерть. Подумал я — и решил лежать спокойно: пусть делает со мной, что хочет.

— Куда лошадь убежала?

- А и не знаю, как будто кто-то поймал.
- Так ты ни с чем и остался?
- Да мне ничего и не надо, ладно, хоть жив...
- Ну пей, пей, итти надо!
- Разве собаки пришли?
- А ты от страха и собак не видишь? Все прибежали.

Ну, кончаем есть и идем.

Покончив с едой, охотники поднялись с насиженного места и двинулись вперед. Шли они тихо. До их охотничьей избушки оставалось верст шесть-семь. Из густой чащи леса они выбрались на гарь. Здесь стояли редкие березы, осины, молодняк, кусты и рябина. Место было открытое. В таких местах водятся лоси. Трофим это знал и ждал, что собаки скоро залают.

— Слушай, сейчас залают, — остановившись, сказал он своему товарищу.

И в самом деле послышался лай собак. Трофим взглянул в ту сторону, откуда доносился лай, и улыбнулся.

— Лося спугнули, слышишь?

Собачий лай еще повторился раза два-три и затем умолк. Василий сорвал с головы шапку и тоже прислушался, а потом хотел что-то сказать Трофиму, но от радости, им овладевшей, так и не смог ничего вымолвить. На губах его злигнала улыбка. Руки затряслись, он не мог стоять на месте. Не дожидаясь распоряжения Трофима, он схватил ружье с плеча и судорожно сжал в руках.

Между высокими березами показались красивые рысаки. Они направлялись прямо на охотников. Впереди бежал высокий, стройный лось — самец. Огромные разветвленные рога его мелькали между берез. Большие блестящие глаза горели огнем. Высоко взлетали от земли его могучие длинные ноги; далеко выбрасывал он их вперед, неся, как птица по воз-

духу. Не было, казалось, такой силы, которая могла бы его удержать. Огромными ногами и могучей грудью он пригибал к земле и ломал деревья, толщиной с оглоблю.

Следом за ним бежали самка и лосенок. Лосенок, вытянув вперед голову, прижав уши и стараясь не отстать от своей матери, частил на своих тонких коротких ногах.

По ту и другую сторону лосей скакали собаки, стараясь обогнать бежавшего впереди лося и загородить ему дорогу. Собаки словно знали, где дожидаются их хозяева, и гнали лосей прямо по направлению к ним.

Лоси все приближались к охотникам, но еще не добежали на расстояние ружейного выстрела. Трофим взглянул на Василия и увидел, что тот прицеливается. Резким движением повернувшись к нему, Трофим сердито вполголоса сказал:

— Ложись! В эту яму! Не поднимай головы! Лежи молча!

Василий послушался товарища и лег в яму, положив под себя ружье. А Трофим спрятался за большую березу и думал: „Переднего лося пропущу к Василию, пусть он его убьет, а сам буду стрелять в самку и лосенка“.

Между тем лоси приближались к охотникам. Трофим приготовился. Василий лежал, не переводя дыхания. Трофим взвел курок, нацелился в самку, а самца пропустил вперед и крикнул Василию:

— Стреляй!

— Сейчас! — ответил Василий, — и тут только заметил, что ружье лежит под ним. Он хотел схватить ружье, но было уже поздно. Подняв голову, он увидел, что огромный лось мчится прямо на него. В испуге Василий отстранился от лося и крикнул:

— Куда ты бежишь?

Лось шарахнулся в другую сторону, а Василий еще больше испугался. От страха у него подкосились ноги, он

упал набок. В это время Трофим успел выстрелить еще раз, и лось упал рядом с Василием.

Василий лежал неподвижно. Трофим подошел к нему и, взглянув на него, спросил:

— Жив?

— Жив, — чуть слышно ответил Василий.

— Подмял он тебя?

— Ногу...

— Переломил, что ли?

— Не знаю.

— Вставай же!

Василий был бледен. Взглянув на Трофима, он медленно встал на ноги. Мускулистый, крепкий, обычно краснолицый, он стоял теперь перед Трофимом без кровинки в лице. Трофим взглянул на него и спросил:

— Почему не стрелял?

— Не успел.

— Лося испугался! А если бы медведя увидел?

— Не знаю, не видел его... Убил?

— Двоих. Ну, теперь станем обдирать.

Охотники пошли к лосям. Трофим впереди, а Василий позади. Подойдя, Трофим сказал Василию:

— Ружье и шапку положи на лося, а сам вставай рядом со мной.

Василий послушно исполнил приказание товарища и встал с ним рядом. Тогда Трофим обратился к Василию:

— Молись богу на солнышко!

И с этими словами сам начал быстро креститься и бормотать молитвы.

Василий усмехнулся и сказал:

— Двадцать лет уж я не молюсь.

— Что значит — не молюсь? Молись! Не станешь, так бог и добычи не даст.

— Нет, молиться я не стану, да и ты, Трофим, не молись.

— Как? Да я от самой материнской утробы молюсь, а теперь прикажешь не молиться. Этак ты скоро мне хлеба есть не велишь... Знал бы я, так и в лес бы с тобой не пошел. Сейчас ты в лесу, а не дома; молись не на икону, а на солнце, на небо!

Василий сказал Трофиму:

— Это все равно. Что на солнце, на небе, то и на стене — везде одинаково нет бога. Если бы был он, то пришел бы к тебе в избу и сказал: „Трофим, я тебе есть принес, не работай!“ Бога попы выдумали. А ты не сердись, послушай, я правду говорю. Я тоже молился, верил в бога, а потом перестал. Тогда мне было пятнадцать лет... Мы ставили стога, косили, гребли, метали, а сами радовались, хвастались, что хорошее сено поставили, да и овес будет спориться. Но вот вдруг надвинулась туча и пошел дождь. Мы молились, просили бога, чтоб он остановил дождь, но ничего не вышло. Вот дождит день, другой, третий, неделю, — все наше сено сгнило. Мы пошли к попу. Он молился, молился, пел, бормотал, ходил по лугу, а потом собрал с нас мясо, масло, яйца, хлеб и уехал. А дождь еще больше недели шел, и дядя мой смеялся: „Молитесь, молитесь, бог вам поможет, ожидайте..“ С тех пор я не крестился и не вспоминал о боге!.. Возьми свою шапку, надень на голову, будем обдирать лосей!

Трофим долго стоял молча, а потом сказал:

— Такие слова, Василий, я слышу не первый раз. Но ведь сорок лет, как я хожу по лесу, ловлю лесную добычу. Без креста ни за одного зверя не принимался. Хотя и то правда, что бог-то бог, да помогал-то себе я сам. Вот и сын мой пять лет, как богу не молится... Что греха таить, и сам

я, садясь за стол, иногда забываю перекреститься... Ну, что же, давай обдирать!

Василий достал из ножен свой нож и сказал:

— Тридцать пять лет прожил на свете, а такого быка не видал.

При слове „бык“ вся кровь бросилась в лицо Трофиму. Судорожно схватил он топор и бросился на Василия со словами:

— Что? Покажу я тебе, каков бык! Ты лесовать пришел, а не людей высмеивать!

Василий в испуге отскочил в сторону и, убеждая Трофима в том, что он над ним не смеется и даже совсем забыл, что Трофиму дано прозвище „бык“, — снова подошел.

— Только еще раз услышу, голову тебе срублю, — горячился Трофим.

Помирившись, товарищи стали прибирать мясо к месту, оставив часть для варки. Затем они двинулись на ночлег к охотничьей избушке.

Так прошел второй день. Наступил вечер. К ночи охотники добрались до избушки, нарубили дров, согрели чай. А после чаепития стали готовить себе ужин, поделив между собой труд: Трофим стал резать мясо, а Василий принес воды и пошел за дровами. Трофим крикнул Василию, чтобы тот на обратном пути захватил с собой из сеней деревянную палку для подвешивания котла. Василий, возвращаясь в избушку, невзначай столкнулся с Трофимом, который нес котел с накрошенным мясом к чувалу; при этом Василий неосторожно задел Трофима концом палки. Трофим, думая, что Василий хочет посмеяться над ним, вздрогнул, уронил котел с мясом на пол и, не помня себя, схватил топор и бросился на Василия. Но Василий успел во-время обратиться в бегство и спрятаться на задах дома.

Тем временем Трофим пришел в себя. Положив топор, он подобрал мясо, принес воды и повесил котел у чувала.

А Василий все стоял за домом в одной рубашке. Было холодно, он весь продрог, а в избушку итти боялся. Но что делать? Домой в одной рубашке не убежишь — далеко. Дальше оставаться на улице не годится: простудишься. Осталось одно — итти все-таки к Трофиму.

Трофим в это время тоже думал о Василии и уже сожалел, что так напугал его.

Повесив котел с похлебкой вариться к чувалу, он вышел за дом, где стоял Василий. Увидев Трофима, Василий хотел было опять побежать, но потом раздумал и остался на своем месте. Трофим подошел к нему, постоял немного молча и спросил:

— Что стоишь?

— Да так.

— Как это так? Пойдем в избушку, ведь простудишься, захвораешь.

Заклучив мир, они пошли в избушку.

Скоро сварилось и мясо. Трофим собрал на стол, и они сели есть. Перед едой выпили по полчарочке водки, согрелись и вступили в разговор.

— Мы, старые люди, всегда так делаем, — сказал Трофим, разжевывая вареное мясо, — если что попадетя — немножечко выпьем, а не попадетя, так и к губам не поднесем.

Василий вяло поддерживал разговор, опасаясь, как бы не сказать что-либо невпопад, сидел потупившись и жевал мясо.

Взглянув на Василия, Трофим сказал:

— Да ты чего боишься-то? И голову опустил. Не думай ни о чем! Завтра встанем и опять пойдем на лосей.

Тут только Василий убедился, что Трофим не сердится

и, смотря прямо в лицо Трофиму, стал оживленно разговаривать.

Разговор затянулся надолго. Трофим рассказывал о своих охотничьих делах, о том, как надо охотиться. Потом он вспомнил о сне, виденном Василием.

— Ты утром говорил, что во сне тебя лошадь топтала. А ведь сон-то в руку. Тебя и в самом деле чуть лося не затоптал. А лошадь-то твою я взял — лося убил.

— Ну, нет, Трофим, — сказал Василий, — сны — это вещь пустая. Во сне много видишь, а на деле ничего не сбывается.

Трофим помолчал немного, о чем-то задумавшись, а потом сказал:

— Кто его знает? Я вот однажды видел во сне, что дом у меня сгорел. Бабы говорят: богатым буду. А я после того двадцать лет жил и не разбогател. Только вот при советской власти стала моя семья жить получше. Вот и сын мой говорит то же, что и ты. Теперь старый человек у молодого учится, а молодой — у старого. Старый человек много опыта имеет, а молодой — дорогу вперед показывает...

Кончив ужин, товарищи приготовились спать. Трофим и Василий договорились между собою, что охотиться на другой день будут врозь: Трофим пойдет на лосей, Василий — на белок.

После этого пригретые огоньком товарищи крепко заснули.

III

Солнце уже поднялось, когда наши охотники проснулись. Напились чаю, закусили и отправились каждый своей дорогой: Трофим за лосями, Василий — белковать.

Трофим убил еще одного лося, освежевал его и воротился в избушку уже затемно. В избушке никого не было.

Трофим развел огонь, вскипятил чай и стал дожидаться Василия.

А Василий пошел вверх по течению ручья и заблудился. Придя к реке, он остановился и тогда только заметил, что идет не туда, куда надо. Он и не догадывался, что избушка их на этом самом берегу.

Долго стоял он, размышляя, куда пойти. Наконец, решил прорубить лед, чтобы посмотреть, в какую сторону бежит река. Узнав, куда направлено течение, Василий перебрался на другую сторону реки.

Собаки заметили, что хозяин блуждает, и не стали убежать далеко, а кружились около него.

Между тем время подходило уже к ночи. Зажглись одна за другой звезды и начали мерцать над головой Василия. Вдаль над деревьями показался светлый месяц.

Выйдя из болота, Василий опять остановился, взглянул сначала на деревья, потом на месяц. Заметив гнездо гоголя, он решил, что надо идти вниз по течению реки, и действительно пошел по направлению к избушке. Пройдя немного, он опять остановился. В это время собаки бросились вперед. Василий схватил с плеча ружье и устремился за ними. Сжимая ружье в руке и зорко вглядываясь вдаль, он шопотом проговорил:

— Это лося они почуяли, сейчас залают.

Собаки действительно залаяли. Василий схватил с головы шапку и пустился по направлению собачьего лая. Пробежав немного, он остановился и продолжал про себя шептать:

— Лося, лося где-то спугнули и не пускают!

Охотясь в лесу первый раз, Василий еще не мог распознать, на кого лают собаки.

Он постоял, надел шапку и пустился бежать.

В лесной чаще трудно было что-нибудь рассмотреть, но глаза его огнем горели, и он бежал, как по чистому полю. Вот он, наконец, подбежал близко. Собаки, завидев его, залаяли еще яростнее.

Он еще ближе подошел к собакам, а лося не было видно. Остановясь, он громко проговорил:

— Я думал, вы на лося лааете, а вы белку нашли. В такой темноте где тут ее поймать. Пропадай она совсем!

Посмотрев на высокую лохматую ель, а потом переведя взгляд на то место, где кружились и лаяли собаки, Василий вдруг заметил горящие злым огнем глаза медведя. Зверь зарычал и устремился к Василию, но собаки тотчас же схватили его сзади, и он присел, продолжая сердито рычать.

Василий вначале испугался и готов был обратиться в бегство, но оправился, осмотрел ружье и пошел на медведя. Медведь тоже не струсил: встал на задние лапы и был готов броситься на Василия. Но собаки опять схватили его сзади, и он присел и зарычал еще громче. Теперь Василий уже не боялся. Он вплотную подошел к медведю и, когда медведь поднялся, прицелился и выстрелил в упор.

Первый раз в своей жизни он убил медведя. Убедившись, что зверь мертв, Василий, радуясь своей первой охотничьей удаче, подумал, как он расскажет о ней Трофиму. Он наклонился над медведем и быстро отрезал у него уши, чтобы, придя в избушку, похвастать ими перед Трофимом. Но едва успел он выпрямиться, как впереди показался другой огромный медведь и кинулся к нему. Василий тотчас вскинул ружье и выстрелил. Он ранил зверя, но не убил. Медведь облапил его самого. Между двумя силачами начался поединок. Сначала Василий присел было, но потом оправился, схватил медведя за уши и крикнул собакам, теребившим убитого медведя:

— Сюда, сюда! Берите его!

Собаки бросили мертвого медведя, кинулись на живого и начали рвать его сзади. Медведь все же успел ударить Василия своей тяжелой сильной лапой, и тот упал за пень между двумя колодинами. Ружье попало под Василия. Оставив Василия, медведь убежал в прибрежное болото и там свалился, царапая мерзлую землю.

Василий, лежавший без памяти, очнулся, пришел в сознание, встал, осмотрел ружье, но оно уже было негодным, сломалось ложе. Постояв, он взял топор, нож и пошел к медведю.

Собаки не переставали лаять и теребили умирающего медведя. Медведь не мог уже уйти, он только издавал мощный, как громыхание грома, рев. От одного этого рева пугливый человек умер бы, — а Василий с топором и ножом шел прямо на него.

* * *

В то время, как Василий переживал страшные минуты, Трофим сидел в охотничьей избушке, опустив голову.

Он заряжал патроны, промывал ружье, по-своему что-то пел, свистал и, о чем-то задумываясь, опускал голову на грудь. Потом, кончив работу, он набил трубку табаком, закурил и, начав расхаживать по комнате, погрузился в размышления. Время рыбной ловли уже подошло, а он еще не подготовился в хозяйстве. Тут ему в голову приходила мысль о колхозной жизни, и он спрашивал себя:

— Не лучше ли мне, старику, пойти в колхоз, где, может быть, жить будет легче и лучше, чем я живу?

Долго он размышлял так, потом сел и проговорил:

— С Василием что-то неладно.

Он понял, что Василий заблудился. Но искать его, когда снега нет и следов не видно, было бесполезно. После долгого размышления, он все-таки решил пуститься в поиски това-

рища. Оделся, отворил дверь... И тут до слуха его донесся звук медвежьего рева. Трофим выбежал на улицу, схватил ружье и крикнул собак. Но собак уже не было, они убежали на медвежий рев. Трофим пустился бежать в том же направлении. Он сильно испугался, решив, что Василия задрал медведь. Быстро, как двадцатилетний юноша, бежал он, едва касаясь ногами земли, не замечая кустов и пней.

Трофим боялся за судьбу Василия. Остановившись на минутку прислушаться, он думал, что Василия, может быть, уже нет в живых: выстрелов не слышно, только изредка деревья потрескивают от холода и тихо шепчутся вершины деревьев, погружаясь в сон.

Громкий и страшный рев медведя продолжался. Зверь еще был опасен.

Трофим приблизился, остановился, внимательно вслушался, не раздастся ли где-нибудь стон товарища. Постояв, он перекрестился и подумал: „Стар стал. Глаза плохо видят“.

Но что же было в это время с Василием? Подойдя к раненому медведю, Василий к великой своей радости нашел около него не только своих собак, но и собак Трофима. Самого Трофима он еще не видал и не думал, что тот в темноте пойдет к нему на выручку.

Между тем медведь, заметив Трофима, собрал последние силы, поднялся на дыбы и бросился на него. Старый, испытанный охотник не растерялся. Он взвел курок и прицелился. Ружье дало осечку, и не успела еще возникнуть в мозгу Трофима мысль о гибели, как его охватили лапы зверя и в лицо ему полетели хлопья пены из раскрытой пасти медведя. Но когда Трофим уже падал, лапы медведя вдруг ослабли и дыхание его оборвалось. Лежа на земле рядом с огромной мохнатой тушей, Трофим повернул голову и разглядел Васи-

лия, склонившегося над ним. В руке Василий еще держал нож, которым он прикончил медведя.

Все стихло. Остервенелые собаки словно мураши бросились на медведя и начали теревить его. Василий поднял старика и спросил:

— Цел ли?

Трофим молчал. Руки его тряслись, ноги подкашивались. Но, спустя несколько минут, он улыбнулся и обнял Василия. Поцеловав Василия, Трофим проговорил:

— Спасибо, спасибо тебе, мой товарищ. Большое спасибо!

Он снова прижал Василия к своей груди.

Было темно, заняться обдиранием медведей было невозможно. Товарищи решили, что они займутся этим, как только рассветет, и, постояв, тихо пошли в избушку.

День охоты не пропал для Василия даром: он убил двух медведей, одного соболя и трех белок, а сам был хоть и помят, но жив.

Товарищи приблизились к избушке. Собаки вдруг бросились вперед, чтобы первыми добежать до дому и встретить хозяев: такая уж у них была привычка.

Товарищи вошли в темную, уже остывшую избушку, развели огонь, разделись и сели. Трофим взглянул на Василия и спросил:

— Что за кровь на твоём плече?

Василий повернул голову и сказал: — На моем плече? — Э-э, ничего, а вот без ружья остался — это хуже.

Взглянув на сломанное ружье Василия и поняв, в чем дело, Трофим проговорил:

— И ружье сломал?

При этих словах Василий улыбнулся и стал рассказывать Трофиму о случившемся.

Выслушав рассказ, Трофим сказал:

— Ну, счастье твое, милый человек, что остался жив. Но что же у тебя с плечом?

Трофим снял с Василия рубашку и, осмотрев его плечо, достал с полки свое чистое полотенце, сделал перевязку и сказал:

— Ничего, заживет. Спас тебя бог, молись ему.

— Заживет, — подтвердил Василий. — Только бог тут не при чем. Если бы я понадеялся на него, то остался бы без головы, лежал бы за колодиной, не дыша. А я, не подумав о боге, набрался силы и вступил в бой со зверем, который подчинен только мне, человеку, потому что я не признаю ни богов, ни чертей, а верю только в свою силу!

Потом, надев рубашку, он вытащил из кармана шабура¹ медвежьи уши и, подав их Трофиму, сказал:

— Вот от первого моего медведя.

Вывтавив из рук Василия медвежьи уши, Трофим сидел несколько мгновений молча, прижимая их к своей груди. Потом повернулся к Василию, посмотрел ему в глаза и трясущимися от страха губами тихо сказал:

— Ну, натворил ты беды. Зачем отрезал медвежьи уши? — С этими словами Трофим встал, распахнул дверь и вышел на улицу. Скоро он воротился с куском лиственничного дерева и, достав нож, стал делать лук и стрелу.

Василий сидел молча и наблюдал за ним.

Трофим кончил свою работу, положил лук и стрелы вместе с медвежьими ушами на полку в переднем углу и, встав на колени, принялся бормотать вполголоса:

— Медведущка, голубчик, я тебе не делал никакого зла, охотился всегда со стрелами и луком. Мы, манси, не умеем

¹ Шабура — холщевое пальто для охоты манси.

делать пульт, не имеем ружей. Выдумали их русские и продают нам, манси. Теперь мы тоже ходим с железными ружьями, но не забываем и лука со стрелой. Со стрелами и луком мы молимся тебе. Великий медведущка, не введи меня в беду. Я не делал тебе зла. Это все русские, они выдумали железные ружья, они надумали убивать тебя ими. Великий медведущка, не делай мне зла, не бери у меня счастья. Я жить хочу!..

При этих словах Василий не выдержал, засмеялся. Потом поднял стоявшего на коленях Трофима и усадил его на скамейку:

— Пустяками ты занимаешься, Трофим; который раз я уже говорю это. Медведь тебя не пожалеет, да и зла никакого не сделает, точно так же, как и добра. Это все старые дела. Не верь ты им! Это выдумка шаманов. Ведь твой сын не молится богу и дочь тоже, они не признают его. И ты образумься!

Трофим безмолвно слушал Василия. Потом, ничего не говоря, стал пить чай.

После чаепития они приготовили похлебку и выпили по полчарочке вина.

Трофим разговорился и стал рассказывать Василию про старую жизнь манси — охотников, рыбаков:

— Я от своего отца слышал: в старую пору люди в лес с ружьем не ходили, а были при них только лук и стрелы. Когда нападал на них медведь, они убивали его ножом. Но вот пришли русские и принесли с собой ружья. Когда начали охотиться на медведя с ружьями, он рассердился и стал давить скот.

Когда Трофим окончил рассказ, Василий сказал:

— Все, что ты говорил — одни выдумки. Не богом все это установлено, людьми. Ведь нож — это то же железо, и вы его не сами выдумали, а кто-то вас познакомил с ним, так же как и с ружьем. Теперь мы не темный народ, известно нам

и прошедшее и будущее. Нас коммунистическая партия к хорошей жизни, к светлым дням привела. Мы живем теперь здравым умом, а прошлое храним как память наших предков, стариков!

Трофим, слушая Василия, уже не сердился, а улыбался и вздыхал. А потом подошел к нему и, целуя Василия, говорил:

— Я думал, ты ничего не понимаешь. А ты очень хороший человек. Верю я тебе, верю! Люблю я тебя, и крепко люблю!

Сказав это, Трофим начал приплясывать и напевать:

Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най...
Милый сын, хороший сын,
Добычу ты нашел большую...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
... На Павскую (речки) вершину ходил,
Тридцать лучших соболей там я убил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
В город большой я поехал,
К русским людям я приехал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Хлеба, одежды у них я купил,
И вина немножко с собой захватил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Потом уж домой я вернулся,
В новые сапоги, галоши обулся...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Так я по улице милой гулял
И лыжи, ружье в поход снаряжал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.

Он остановился, заложил табак в трубку, закурил, присел к Василию, положил руку на его плечо и начал говорить:

— Однажды мы пошли в лес. Нас было трое: косоглазый Иван, зайчик Леонтий и я. У меня была собака. Она чорт знает как искала белок. Но медведя ужасно боялась. День был хороший. Шли мы довольно долго, а потом решили отдохнуть, попить чаю. Сварили чаю, сели, зачерпнули кружки, а сами разговариваем.

„Вдруг я закричал: — Медведь! — вижу, медведь налетел на Ивана и сгреб его. Но Иван не растерялся, схватил его за уши, и они начали бороться.

„Я с топором туда, сюда, а что делать, не знаю. Рубить опасно, можно товарища погубить, стрелять — то же самое. Потом я выдернул из ножен нож и, вонзив в медведя, располоснул ему живот. Тогда он бросил Ивана, поднялся на дыбы, подобрав вывалившиеся кишки в охапку, побежал прочь.

„Иван мой остался жив. Тут мы осмотрелись, и оказалось, что Леонтия-то нашего нет. Куда-то исчез. Оказывается, что он тоже обратился в бегство, притом по собачьему следу, а за ним и медведь“.

— Догнал?

— Где тут, сам чорт их не догонит. Леонтий, как зайчик, и в такую минуту он даже, наверно, от собаки не отстает.

„Мы пошли следом за медведем, догнали, добились, убрали мясо, а вечером пришли в избушку. Он полеживает там. Вот, Василий, чем с таким человеком лесовать, лучше одному. Один — сам себя знаешь...

„Вот ты, Василий, только теперь узнал, как трудно дается лесное дело“.

— Да, это верно.

— Так вот, я прошу тебя, мой милый, голубчик, береги себя, не попадайся в лапы медведя, а то всего исковеркает, и голову оторвет.

— Для того, кто в свои силы верит, нет страха. Смерть может быть всегда, ее не минуешь, а двух смертей не будет.

— Нет, милый, рано гордишься, рано возвышаешь себя. Не забудь, что зверь с тобой шутить не будет, да он об этом не может и думать. А ты, не успев показаться на свет, собираешься в могилу. Вот, посмотри на меня, шестьдесят лет прожил я на белом свете, много плохого, тяжелого видал, а еще жить, жить хочу! Ведь вот только сейчас стало мне полегче, стали люди мне помогать.

Они рассуждали об охоте, о своей жизни, прошлом и будущем. А потом, наговорившись, улеглись каждый на свое место, и, пригретые огнем, крепко заснули.

IV

Утро. Погода хорошая. Слегка дует ветерок. Медленно выползло солнце и, пробиваясь своими лучами сквозь ветви громадных сосен, осветило окно избышки охотников.

Трофим открыл глаза, поднял голову, взглянул на окно и проговорил:

— Уже день. Василий, вставай, проспали!

Товарищи быстро попили чаю, оделись и пошли к медвежьим тушам.

Трофим шел впереди, а Василий за ним без ружья. Вдруг собака залаяла. Трофим остановился и проговорил:

— Белку нашла,

— Как ты это знаешь?

— Как не знать. На лося лают часто, на медведя — сердито и порывисто, а на белку — редко, с перерывами.

— Теперь я буду знать! — ответил Василий.

Они подошли к белке. Трофим посмотрел на сосну и, улыбаясь, сказал Василию:

— Стреляй!

— Чем? Стреляй ты, а я подхвачу падающую добычу.

— Без ружья тебя съедят! — улыбнулся Трофим, целясь в белку.

Товарищи пришли к медведям, ободрали их, уложили мясо и сели отдыхать.

Трофим закурил трубку, посмотрел на Василия и спросил:

— По родине не тоскуешь? Домой не тянет?

— Не думаю и не хочется туда, а без колхоза жить не могу.

— Без колхоза не можешь жить?

Василий рассказывал Трофиму о колхозе, говорил товарищу, что в колхозе жить куда легче и лучше. Вспомнил он об уборке хлеба, о том, как весело жужжит молотилка, рассказывал о стальных лошадях — тракторах, о пении веселых громких песен девушками, когда они отправляются на работу рано утром.

Потом Василий спросил Трофима, почему он не в колхозе.

Трофим посидел минуту молча, посмотрел на своего товарища и, снова закулив, спросил его:

— А ты почему не в колхозе?

— Я? — весело улыбнулся Василий — я как только приехал, сразу подал заявление.

— Подал?

— Да, уже давно. Правление запросило справку с места моего жительства. Ждут справку от того колхоза... Ну, вступим вместе?

— Нет. Я стар. Кто же меня будет кормить?

Долго Трофим не соглашался, но Василий продолжал убеждать Трофима.

— В колхозе есть кому помочь тебе. Вступим в колхоз и вместе будем охотиться.

Трофим ничего не ответил.

Товарищи отдохнули, наговорились, а потом, когда стало темнеть, пришли в избушку.

Ночевали там, утром встали и пошли за белками.

Еще три дня они охотились. Все время Василий ходил за Трофимом с одним топором. Товарищи убили еще одного лося и несколько белок, потом пошли домой.

Дома, вечером после бани, Трофим пригласил Василю.

Долго шла дружеская беседа. Тут же сидели дети Трофима и жена, рассказывая охотникам о том, что происходило дома.

Потом Трофим посмотрел на детей и вдруг сказал:

— А мы с Василием в лесу договорились вместе вступить в колхоз.

— Хорошо, очень хорошо, тятя, я давно звал тебя! — воскликнул сын.

— Я звала, он меня не слушал, — смотря на брата, говорила девушка.

— Войдешь, будем жить, как можем; так и работать будем, — выпуская из носа дым, говорила старуха, курившая трубку, — я давным-давно тебе говорила, дети в колхозе, а ты одинокий.

— Вы меня звали, уговаривали, а убедить не могли... Теперь, когда я с ним охотился целую неделю, слышал от

него много речей о хорошей жизни, мне стало все ясно. Вначале немного не ладили, а потом он меня вразумил. Сказать вам правду, до Василия я думал и так и сяк. Бывало я русских не долюбивал, не понимал, что среди них, как и среди нас, всякие люди бывают...

Теперь только я стал понимать, что такое хорошая жизнь.

Он придвинулся к Василию, положил свою руку ему на плечо и продолжал:

— Ты, Василий, очень хороший человек. Я с тобой ходил в лесу, учил тебя, а у тебя больше получил, чем я дал. Я с тобой был в лесу и еще пойду, я с тобой в колхозе буду работать, хорошую жизнь для нас и для таких вот, как они, — показал он на детей, — налаживать. Наши руки крепко сжаты. Их никому не разорвать. Ты меня не бросишь, а я никогда не отстану.